

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

А. С. КАРГИН,
А. В. КОСТИНА
(Москва)

ЭТНОКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам поддержки этнической культуры, связанной с необходимостью сохранения исторической памяти и культурной специфики. Поддержка национальной культуры необходима в силу того, что она фактически обеспечивает через систему учреждений культуры и образования единство тех смыслов и значений, тех представлений и идеологических нарративов, которые придают государству устойчивость. Более того, именно сфера образования и сфера культуры являются наиболее естественными каналами распространения социально значимой информации.

Ключевые слова: этнокультура, национально-культурная идентичность, историческая память, межнациональные контакты.

Идентичность как проблема новейшей истории России

Проблема укрепления национально-культурной идентичности¹ для России начала XXI в. является принципиальной и стратегически важной. Ее решение оказывается непосредственно связанным с поиском эффективных моделей развития общества, разработкой определенной государственной культур-

ной политики, национально-культурным воспитанием и образованием. Актуальность проблемы обостряется резким увеличением внутригосударственной миграции и контактов между людьми, их перемещением с одного места жительства на другое, «этноперемешиванием» и т. п. Усиление межнациональных контактов становится реальной повседневной практикой. Проблема идентичности принимает на себя как бы несколько уровней проявления: бытовой или личностно-повседневный, межгрупповой или стратификационной, межгосударственный или межнациональный и т. д.

Для России последней четверти XX в. обострение проблемы идентичности было обусловлено распадом Советского Союза. За пределами России вне своих этнических территорий оказалось почти 65 млн граждан бывшего Советского Союза — 25 млн русских и 40 млн человек, принадлежащих к иным этническим группам. Многие из них стали возвращаться в Россию: Таджикистан и Азербайджан покинула треть русских, Грузию — четверть; увеличивается число эмигрантов из Казахстана и других регионов Средней Азии [Мнацанакян 2004, 59—63]. Исследователи прогнозируют активизацию данного процесса в силу как той политики «возвращения на родину россиян», которую проводит нынешнее руководство России, так и вследствие реального отношения к русским в бывших союзных республиках. В результате крайней неравномерности экономического развития России и стран ближнего зарубежья возрастают потоки трудовой миграции из коренных жителей этих государств. В то же время мы имеем дело с нетерпимым отношением местного населения обозначенных государств к русским, усилением националистических настроений и т. п.

¹ О термине идентичность см. подробнее: [Крысько 2003, 311; Арутюнов 1989; Губогло 2003] и др.

Негативное отношение, начиная с 90-х г. XX в., властей стран Балтии к части своего населения, считающей себя русскими (или русскоговорящими), показало неприятие ими большинства иных этнокультурных традиций. Понятие «русский» превратилось во враждебную характеристику, внутри общества сформировались разделительные границы по типу «свой — чужой».

Термин «идентичность», нередко увязывается с рядом других понятий: «национальный»; «религиозный», «гражданский», «культурный» и т. д. Многозначность термина, опирающаяся на известную эвристичность, дает возможность использовать его для обозначения широкого круга явлений как отражающих эту самую идентичность, так и ничего не говорящих о ней.

Представители каждой из наук видят в идентичности отражение тех или иных этнокачеств личности, соотносящей себя с миром других личностей, или отличающейся от них. Идентичность в широком смысле есть указание на существование некоего специфического набора или комплекса примет, черт, сторон, характеристик, функций, показателей, которые определяют этнонациональную специфичность личности.

Разночтения в трактовке сущности понятия «идентичность» так или иначе выводят нас, оговаривается это или нет авторами, на этнокультурную особенность личности или целого народа даже в случаях, когда речь идет, скажем, о гражданстве, о национальности и т. д.

Другими словами, «пирамида идентичности» имеет в своем основании этнокультурную составляющую, на которую как бы накладываются все иные «показатели» идентичности.

Вторая тюльпановая революция, произошедшая весной 2010 г. в Киргизии, показала, что гнев местного населения, акты вандализма и расовой неприязни были направлены в первую очередь против русских и русскоговорящих граждан (разгром магазинов, домов, захват земельных участков и т. д.), идентифицируемых местным населением как «не наши», «источник бед и нищеты». Появились лозунги о необходимости

«выгнать» русских в Россию. «Киргизия для киргизов» — таков был общий лозунг момента. Налицо жесткий характер утверждения собственной идентификации киргизов, идентификации, направленной на укрепление особых прав аборигенов, идентификации, носящей преимущественно этнонациональный и этнокультурный характер.

Еще одна историческая причина, привлекающая внимание к проблеме национально-культурной идентичности в России, — острота масштаба переживания по поводу самоотчужденности, самоидентичности русской нации, русского народа, обсуждаемая в России уже в течение, как минимум, трех столетий и до последнего времени не получившая своего решения. При этом проблема «русской идентичности» так или иначе пересекается с поиском идентичности других титульных народов России [Дорджиева 2008, 74]. Полярные взгляды русофилов и русофобов, защитников западного и восточного путей развития России, отсутствие уже в течение трех веков собственной государственности у русских, которые составляют основу уникального государства, их идентификация как россиян — все это звенья единой цепи разносторонних мнений, взглядов, подходов к определению русской идентичности. Трактовка самоидентичности русских не может в этих условиях не нести в себе элементы противоречий.

Нельзя не сказать, что проблема сохранения и укрепления своей национально-культурной идентичности не является в России проблемой исключительно русской нации. Все народы — малые и большие, аборигены и пришлые — сегодня вынуждены решать эту проблему, так как от этого в значительной мере зависит успешность их мироустройства, развития, встраивания в процессы глобализации и модернизации [Квилликова 2008]. Решение вопросов идентичности открывает не только дополнительные возможности для экономической, культурной, политической интеграции народов, но и ведет к глобальным национально-государственным «разломам». Эта проблема обсуждается как одна из наиболее

важных и в странах с моноэтническим населением (страны Балтии), и в таких, как Америка, где полиэтничность — принцип формирования государственности. «Проблема американской идентичности уникальна, — отмечает С. Хантингтон, — но Америка не уникальна в том, что она имеет эту проблему. Почти повсюду люди вопрошают, переосмысливают и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей. Кто мы? Чему мы принадлежим?» [Huntington 2000, 322].

При этом проблема идентичности в последние полвека во всех развитых странах связана, прежде всего, с кардинальным изменением процесса наследования, или трансляции, культуры, традиций, знания поведенческих норм и т. п. В современном обществе устаревание национальных культурных традиций, образцов жизнедеятельности происходит стремительно и постоянно. Национальные традиции перестают восприниматься как однажды и навсегда данная ценность («от Бога»). Они переосмысливаются с учетом мирового опыта. Постепенно формируются «обшепланитарные» традиции: в одежде, манере общения, поведении и т. д.

Динамично меняются не только многие компоненты культурной традиции, происходят изменения в способах культурной коммуникации. Как показывают исследования [Каргин, Хренов 1993, 30—41; Авдучевская, Баклушинский 1995], вплоть до конца 90-х годов XX в. влияние сверстников на процесс формирования ценностно-нормативных ориентаций своего окружения было значительно более существенным, чем влияние старшего поколения. Однако уже через десятилетие с небольшим молодежь начинает проявлять устойчивый интерес к традициям и обычаям, сформированным предшествующими поколениями. В условиях возрастания нестабильности мира, связанной с экологическими угрозами, опасностью терроризма, последствиями международных конфликтов, стабильность, связанная с ценностями предков, становится предпочтительнее нестабильной современности или непредсказуемого будущего. Это, в частности, хорошо

просматривается на примере такой технологичной и преимущественно молодежной культуры, как интернет-культура, где проявляется устойчивый интерес к традиционным формам культуры, таким как частушка, анекдот, примета, прескрипция, запрет, байка, сказ, получают широкое распространение переделки аутентичных и вторичных фольклорных форм [Folk-Art-Net 2007]².

Исследования, осуществленные Государственным республиканским центром русского фольклора Министерства культуры РФ, дают основание говорить о росте динамики сменяемости форм фольклорной самореализации. Особенно это касается молодежных субкультур, реально существующих в современном социуме, когда «фольклорное — нефольклорное», «традиционное — нетрадиционное», «инновационное» не только не поддаются определению, разделению, но и могут меняться в разных ситуациях местами, представляться одновременно и тем и другим. Неслучайно «исследователи сетевого фольклора считают наиболее актуальными сегодня проблемы, связанные со способом интерпретации событий сетевым сообществом, с особенностями жанровой системы и жизненного цикла, порождаемых Сетью фольклорных форм, с принципами создания интертекстуальных связей между текстами массовой культуры и фольклорными формами Интернета...» [Там же, 7].

Осознание человеком своей идентичности самым непосредственным образом связано со стабильностью социальной системы и ее движением по пути прогресса. Идентичность выступает как основание для консолидации индивидов, для их внутригруппового сплочения в целях эффективного развития, она задает общие жизненные ценности, определяет модели ориентации в окружающем мире, формы индивидуального и группового поведения, способы

² Например, «Сказ про Федота-стрельца» Л. Филатова, написанный в фольклорном стиле, в Сети распространен, по крайней мере, в пяти вариантах, наиболее яркими из которых являются «Сказ про Бэтти Барклай, или Путешествие за 4-й профой», «Сказ о Федоте-студенте», «Сказ про Федота-программера».

социального позиционирования индивида, особенности его социокультурной активности. Идентичность как способность сопоставлять свой образ мира с общепринятым в рамках этноса, нации, государства, класса или любой иной общности выстраивается на основе тех ценностей, ориентиров, картин мира, которые принимаются как образцовые или отторгаются как неприемлемые. Идентичность становится основой для формирования тех моделей самореализации, которые воспринимаются как «свои» или отторгаются как «чужие», где «всякое противопоставление объединяет, а мера противопоставления есть мера объединения» [Поршнев 1973, 14]. Здесь чрезвычайно важно, какой из уровней выстраивания идентичности — социальный, религиозный, этнический, национальный, политический, групповой, субкультурный, поколенческий — становится ведущим.

Конечно, было бы неверно полагать, что каждый такой уровень может быть единственным. Сегодня многосоставная идентичность выступает как наиболее характерная. И это естественно, так как в современном мире человек становится носителем различных культурных традиций, о чем свидетельствует его образ жизни. Завтракать он может в Макдоналдсе, обедать — в ресторане европейской или китайской кухни; при этом он может слушать реггей или классику, одеваться в стиле ретро в Гонконге, а в Париже пользоваться японскими духами. Тем не менее, человек при этом ощущает свою причастность к определенным, достаточно многочисленным сообществам, они и определяют, по существу, основу его самоидентификации. Именно вопрос о доминирующей идентичности составляет проблему развития всех современных этносов, в том числе русских, проживающих как в России, так и за ее пределами.

Некоторые этнокультурные составляющие идентичности

Проблема идентификации идентичности в рамках европейского сообщества стала очевидной к 90-м гг. XX в., когда исследования показали, что боль-

шинство жителей европейских стран соотносит себя, в первую очередь, с местом проживания, регионом, во вторую — с этнической принадлежностью, в-третьих — с вероисповеданием и только в-четвертых — с гражданством. Между тем, европейское единство как основа идентичности воспринимается в значительной степени как неоднозначное явление, связанное с экономическим положением граждан разных стран, в первую очередь недавно вошедших в Евросоюз. Но это касается даже такой экономически и информационно развитой страны, как Финляндия. Те же процессы затронули и Америку, где идеальная модель «плавильного тигля», нивелирующего неравенство этногрупп посредством демократических институтов, показала свою ограниченность, прежде всего в той ее части, которая касается специфики этносов и готовности этногрупп отказаться от своего этнического своеобразия в пользу национальности и гражданства. Это проявляется, в частности, в нежелании ассимилироваться в американскую культуру со стороны многочисленных групп мигрантов, образующих общины, по существу, воспроизводящие коренную культуру. Многие граждане Америки не знают английского языка или владеют им в ограниченных пределах, позволяющих осуществлять лишь бытовую коммуникацию. В китайских, русских, индийских кварталах говорят на своих языках и диалектах, во многих южных штатах — там, где большинство населения имеет латиноамериканское происхождение, — в качестве реальных государственных языков существуют два — английский и испанский. Все это свидетельствует о том, что граждане различных стран все в большей степени соотносят свои идеалы и свой образ жизни с теми, которые формируются в локальных сообществах. Эта ситуация достаточно опасна — прежде всего тем, что гражданское единство по своему значению уступает единству этногрупповому, региональному или этноконфессиональному.

Подобная сегрегация наций обусловлена в значительной степени деятельностью этнонациональных и

региональных элит. Если обратиться к российской политической практике, то здесь подобным примером «этностроительства» стал широко обсуждаемый в свое время опыт по созданию нового этноса. В конце 1990-х гг. администрация Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) проявила устремленность к консолидации пестрого с этнической точки зрения населения на основе формирования этноса «сибиряки». Данная задача стала решаться путем культивирования окружного патриотизма: повсеместно в СМИ, в социальной рекламе, в транспорте начала распространяться новая символика ХМАО, используемая на флаге и гербе и стилизованная под орнамент коренных народов, и звучать новое название — Югра. Для объединения использовалась идея о своеобразии характера сибиряков. Объективной же причиной, обусловившей в свое время эти процессы «этностроительства» и сплочения местного населения, являлось противостояние властей разного уровня, в частности севера и юга Тюменской области, которое было особенно сильным во второй половине 1990-х гг., а также «постоянные попытки федерального центра перераспределить в свою пользу доходы от добычи нефти» [Никитин, 9]. По этому пути в это же время или несколько позже пошли власти Татарстана, Чечни, Башкортостана, Ингушетии, пытаясь установить особые «отношения с Москвой», расширить свои права на недра, доходы и т. п. Исследователи отмечают, что подобная деятельность национальных элитных групп имеет под собой политические цели, для достижения которых задействованы разнообразные социально-экономические и этнокультурные факторы [Сагитова, 5; Квилинкова 2008]. Так, в Чечне, Ингушетии, Дагестане фактически введены суды и законы шариата, органами власти установлены суммы выкупа невесты (калым) и т. д. Обозначенные примеры свидетельствуют о возрождении этнонациональных настроений, ведущих нередко к доминированию локальных культурных традиций, локальных политических и экономических принципов, т. е. к сегрегации, которая является не-

гативной тенденцией, способствующей ослаблению государства. Неслучайно некоторые политологи предсказывают распад США, распад России на отдельные локальные национально-государственные административные образования, на это, в частности, нацелена сепаратистская деятельность организованных групп приверженцев «чистого» ислама на Северном Кавказе и т. п.

Исходя из сказанного, можно было бы сделать вывод о том, что национальная идентичность, основанная на гражданстве и общности правовых установлений и интересов, является в современных условиях наиболее соответствующей интересам развития и государств, и социальных групп, и отдельных граждан. Если говорить о тех основаниях тождественности, которые являются наиболее общими, то в качестве таковых выступают гражданство (национальность) и культура, а их органичное слияние, т. е. национально-культурная идентичность оказывается наиболее прочной.

Идентичность в границах нации задается не столько общим происхождением, принадлежностью к определенному месту рождения и проживания, не тождеством интересов людей, а прежде всего, интересами качества жизни, добрососедства, обороны от врагов, защиты от терроризма. Проблема идентичности нации появилась в период разрушения религиозной и социально-политической иерархичности династических империй. Этимологи отмечают, что уже к началу XVII в. понятие «нация» обозначало жителей страны независимо от этнонациональной принадлежности и выступало как синоним менее специфичных социальных категорий, таких как «народ» или «граждане» [Коннор 2000, 61]. Кроме того, нация основана не только на гражданстве, но и на общности законов и правовых институтов, объединяющих ее членов общим кодексом, едиными правами и обязанностями, без поправок на этническое происхождение или религиозные особенности. Иными словами, национальная или государственная идентичность изначально основывалась на политических принципах. Французская

Декларация прав человека и гражданина провозгласила, что «источник всего суверенитета находится в основном в нации; никакая группа или индивид не может осуществлять власть, если она не исходит определенно оттуда» [Там же, 62]. Определив народ как источник политической власти, эта доктрина сделала нации и государство практически синонимами. Мы говорим Франция, подразумевая французский народ (при всем разнообразии его нации); мы говорим — французский народ, имея в виду французское государство.

Необходимо заметить, что национальная идентичность как основная форма тождественности в большей степени характеризует те страны и регионы, где принципы либерализма и демократии оказываются доминирующими и сложившимися исторически. В этих странах и само понятие нации трактуется как социально-политическое (гражданское) сообщество [Геллнер 1983; Андерсон 1991], а национальная культура, соответственно, в большей степени соотносится с политической и экономической сферами ее развития (где однородность нации обеспечивается государством через предоставление гражданства представителям различных этнических сообществ и через создание общей «гражданской религии» — мифов, воспоминаний, символов, передаваемых стандартным языком через образовательные учреждения [Smith 1986, 149—150]). К этому можно добавить, что передаются они и устным путем, через разнообразные образцы культуры фольклорного типа, представляющие разные народности.

Аналогичным образом понятие «нация» применяется в испанской провинции Каталония, где в тексте местной конституции есть термин «каталонская нация», но в официальных государственных документах употребляется только термин «испанская нация» — понятие, объединяющее все народы Испании. Если первый тип нации (как во Франции) является традиционно западной моделью, то второй более характерен для России, некоторых стран Европы, стран Востока, где многонациональные этнокультурные связи по-прежнему вы-

ступают как мощное средство консолидации.

В России предметом национальной гордости и одновременно национального неприятия являются в меньшей степени достижения в социально-политической и экономической областях; гораздо большую важность для людей имеют достижения в сфере культуры — в искусстве, литературе, а также в сфере истории. Таким образом, культурная идентичность для россиян обладает гораздо большей значимостью, чем идентичность гражданская, точно так же, как история и достижения в сфере искусства и литературы существеннее, чем достижения в научной, политической и экономической сферах. Культурная идентичность, которая выражается, прежде всего, в языковой общности, возможности общаться на одном языке, а также религиозная терпимость и взаимопонимание между различными конфессиями, сложившиеся исторически, в России проявляются гораздо ярче, чем во многих других полиэтнических государствах, где идентичность основана в большей степени на гражданских принципах и на идее нации.

При этом в истории России на всех ее этапах особое место занимала традиция, а пласт культуры, основанный на принципах традиции, т. е. то, что в обиходе позиционируется как народная культура, фольклор, выступает до сих пор как живое, развивающееся явление, во многом определяющее национальную идентичность народов, ее населяющих. Русский фольклор, в частности различных социальных групп, существует в виде живого творчества со всеми его проблемами и бедами. В большинстве европейских стран, в США фольклор сохраняется по преимуществу в своих вторичных, коммерческих, окультуренных, сценических формах. В США, ряде других стран Северной Америки, Европы сфера культуры в целом, а также традиционной культуры и фольклора рассматривается сугубо в качестве товара, услуги, коммерции. Отсюда негативное отношение со стороны США к государственным мерам поддержки и защиты национальной культуры как явления духовного, некоммерческого

характера, применяемым другими странами. Как отмечается во «Всемирном докладе по культуре — 2000», подготовленном ЮНЕСКО, несмотря на заверения в уважении к культурной самобытности других стран, США не склонны идти на уступки при решении вопросов ограничения проникновения на их национальные рынки культуры и искусства как некоммерческого продукта, ибо это наносит урон американской экономике. Причем, если эта проблема только обозначалась в 80-е гг. XX столетия, то к началу XXI в. она приобрела ярко выраженную остроту. Генеральный директор Всемирной топливной организации был вынужден признать, что есть вопросы продвижения ценностей, которые в рамках организации не могут быть решены. Вопросы эти связаны с культурой, регламентацией процессов культурного обмена. Наметились два подхода к их решению: согласно первому подходу культурный продукт является коммерческим продуктом индустрии развлечений и подлежит общему регулированию; согласно второму — культурный продукт рассматривается как актив, связанный с ценностями, идеями и смыслами, как инструмент культурной коммуникации, влияющий на формирование идентичности, и в этом случае он может рассматриваться в контексте требований по его изъятию, запрещению или ограничениям [Культура в глобальном мире 2005, 157, 158]. К слову сказать, отношение многих европейских специалистов к трактовке традиционной культуры в качестве индустрии туризма, отдыха, развлечений весьма негативно: «Туристы как саранча, они все пожирают и двигаются дальше. Когда они прилетают, народ превращается в карнавалы народ... мужчины отложили в сторону рыболовные сети, чтобы превратиться в официантов, женщины стали проститутками... Улетело то, что мы называли своей культурой», — констатировал Г. Хайд (Австрия), излагая результаты своих наблюдений на одной из международных конференций [Культурное наследие 1990, 48—50].

Итак, если в Западной Европе и США, давно вставших на путь постин-

дустриализации, традиционная культура и фольклор воспринимаются как, с одной стороны, раритет, наследие, подлинные аутентичные образцы которого бережно собираются, сохраняются и воссоздаются в виде вторичных форм, реконструкций, а с другой стороны — как индустрия культуры, рассчитанная на оказание услуг, в России традиционная культура и сегодня остается активным фактором развития национальной идентичности.

Само по себе данное обстоятельство вызывает немало вопросов как по предпосылкам, обеспечивающим активизацию национально-этнического сознания в, казалось бы, не способствующих этому обстоятельствах, так и о существовании самой культурной традиции, ее затухании, активизации, включении в культурный процесс и т. д.

Одно совершенно очевидно: традиционная культура продолжает сохранять свой мощный и ничем не компенсируемый потенциал по поддержанию, укреплению и формированию национально-культурной идентичности, национального самосознания, определять формы реальной идентификации.

Именно поэтому в России нация рассматривается как этнонация, как социально-культурная общность, генезис которой уходит в глубь доиндустриальных отношений, где культура соотносится со всей духовной сферой — традициями, языком, религией, мифологией, историей, ментальностью, — формирующейся в длительном процессе ее развития [Каргин 2008].

Поиски и утраты русской идентичности

Поддержка российским государством этнических культур, культур малых и исчезающих народов является реализацией одного из принципов России как национального государства, а именно, принципа равноправного существования в рамках единой государственной системы всех народов — вне зависимости от их принадлежности к «титальному» или иным этносам. Подобное отношение к сфере традиционной культуры со стороны государства

проявляется не только в законодательстве России, но осознается достаточно в высокой степени и на уровне массового сознания. Этот факт стал подлинным открытием для организаторов международной программы социологических исследований, реализованной в 1995 г. [Федорова 2005, 216]. Представляется важным, что среди 24 стран-участниц исследования (Канада и США; Австралия и Новая Зеландия; Норвегия, Швеция, Испания, Ирландия, Италия, Великобритания, Нидерланды, отдельно Восточная и Западная Германия, Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Болгария, Польша, Латвия, Российская Федерация, Япония и Филиппины), относящихся преимущественно к западной цивилизации, именно в России за осуществление специальной государственной политики в области культуры, сохранения традиций, в том числе национальных меньшинств, высказалось больше всего опрошенных (75%). За необходимость содействовать сохранению меньшинствами своих традиций высказалось (82%).

Подобное различие в восприятии нации и национального государства в различных культурах свидетельствует о том, что национальность и гражданство, с одной стороны, и культура, с другой, являются различными основаниями для создания идентичности. Эта проблема в государствах с активными процессами миграции становится одной из наиболее важных. Фактически она задает проблемное поле дискуссии о том, что в России может являться более значимым основанием идентичности: то, что лежит в области формально-политической, идеологической, или то, что связано с традицией и культурой?

О том, что эти зоны идентичности не всегда совпадают, свидетельствуют многочисленные примеры. В частности, зоны идентичности национальной и культурной не совпадают у многих мигрантов, которые, принимая российское гражданство и, следовательно, подтверждая свое собственное включение в российскую нацию, не принимают ценностей русской культуры, оставаясь носителями локальных, т. е. привнесенных этнических традиций, создавая

внутренние национально-культурные автономии, несанкционированные и незарегистрированные. Это обстоятельство не учитывается некоторыми представителями российской экономической и политической власти, для которых национальная идентичность определяется автоматически — через гражданство. Однако вопрос о принадлежности к русской культуре и ее ценностям остается проблематичным, так как доминирующей установкой здесь выступает космополитизм и ориентация на инациональную культуру. Конечно, отрицать значение ценностей этой культуры достаточно бесперспективно, так как в нее входит все то лучшее, что создали представители самых разных наций. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что речь здесь идет о культурном *наследии* — о своеобразном анклаве, где хранится все лучшее, что было создано за всю историю народа. Обнажается проблема противоречия ценностей, которые составляют суть и содержание любой культуры. Они существенно различаются. Это заметно даже в границах Европы, где, как показал еще М. Вебер, именно протестантская этика с ее ценностями трудолюбия, достижения, социальной активности, настроенности на успех сформировала «дух капитализма». А цивилизации евроатлантическая, китайская, индийская, арабо-мусульманская являются еще более далекими друг другу — об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что ценности либерализма и демократии, которые пытается навязать Америка западным странам, встречают активное неприятие.

Ярким примером несовпадения национальной и культурной идентичности представляется ситуация в современной Америке, где ее основой была в свое время европейская культура. На протяжении трех столетий американцы соотносили свой образ идентичности с англо-американской протестантской культурой. Именно она создавала ту общность, которая именовалась «американцами», и именно она отличала американский народ от всех остальных. Как с горечью пишет С. Хантингтон,

«в конце XX столетия этой культуре брошен вызов» [Хантингтон 2004, 15—16]. Утрату культурной идентичности исследователи приравнивают к таким национальным трагедиям, как война и международный терроризм.

Любопытно в плане сказанного представление американских фольклорных групп на фестивале-параде в Гонконге в сентябре 2009 г., посвященном Новому году по лунному календарю. Согласно существующей практике проведения международных фестивалей фольклора их открытию предшествует презентация официальных делегаций, руководители которых дарят организаторам подарки и кратко рассказывают о своем коллективе, его истории, культуру какого народа он представляет и т. д. Оказалось, что из США приехало 4 коллектива, представлявших разные этнические группы населения: два — лагиноамериканских, третий — африканский, четвертый — собственно американский. Пели они на своих родных языках, при этом подчеркивали, что они именно американцы, но представляют свою родную культуру.

Как саркастически заметил председатель оргкомитета, объединяли их подарки: все коллективы привезли в подарок бейсбольные мячи и биты, которых у него накопилось за последние годы более полусотни.

Решение проблемы русской идентичности на российской почве приобретает свою специфику. В значительной степени она связана с неоднозначностью трактовки таких центральных категорий, как «национальная идентичность» и «культурная идентичность». Когда мы говорим о национальной идентичности, очевидно, что мы имеем в виду разные народы, обладающие единым гражданством, объединенные вокруг некой общей идеи, вплоть до защиты своей страны. Это сплочение хорошо проявляется в противопоставлении российской нации другим, к примеру, на международных спортивных состязаниях — чемпионатах мира, Европы, олимпиадах. Здесь все граждане выступают как единая нация, под единым флагом и дружно болеют за «русских» в Америке или Канаде, понимая под

этим словом «русскоговорящих», т. е. «россиян»³.

Сопоставление «россияне — русские» не в пользу русских — ни в национальном (идеологическом), ни в бытовом отношениях. Русский этнос не является объектом особой защиты и особого внимания со стороны российского государства и региональных властей. С одной стороны, основными принципами государственной национальной политики выступают «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям» и «запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [Концепция 1996, гл. 2]. Права всех народов, проживающих на территории России, в том числе в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, гарантируются Конституцией Российской Федерации. Эти принципы национальных отношений в Российской Федерации отражает и Концепция государственной национальной политики РФ. Здесь отмечается, что «преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности

³ Первоначально значение этого слова, впервые произнесенного в 1990-е гг. Б. Н. Ельциным, воспринималось исключительно негативно, рассматривалось как искусственный политический неологизм. Однако постепенно оно вошло в языковой обиход в большей степени политиков и ученых, в меньшей — рядовых граждан. Судьба этого понятия не была однозначной. В октябре 1996 г. Комитет по геополитике Государственной думы организовал специальные слушания по данной теме и рекомендовал исключить из использования термины «россияне» и «российский народ», потребовав их замены на понятия «русские» и «русский народ». Очевидно, что ориентация на категорию «русской нации» «закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации» [Тишков 1996, 30], а рассмотрение русских как «супер этноса» создает предпосылки для его сопоставления (не в пользу последних) с «малыми этносами».

на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности» [Там же, гл. 1].

Тем не менее, сегодня центробежные тенденции в формировании национально-культурной идентичности не сняты с повестки дня, их острота налицо. К особому вниманию, которое всегда получала культура малых народов России, прежде всего народов Севера, Дальнего Востока, добавилось внимание к культуре и традициям казачества. При Президенте РФ создан Совет по делам казачества, имеющий разветвленную сеть комиссий при министерствах и ведомствах РФ. В Северо-Кавказских республиках РФ наблюдаются бурные процессы возрождения национально-культурного самосознания, которые нередко подогреваются национальными элитами и национальной интеллигенцией путем завуалированного или открытого противопоставления русской культуре и русскому языку. В частности, в плане интересующей нас темы можно отметить, что национальные творческие коллективы Башкирии, Татарстана, некоторых других республик — Чечни, Ингушетии, — выезжающие на международные фестивали фольклора в другие страны, отказываются выступать под флагом РФ, заменяя его на флаг своей республики.

Отсутствует в России твердая позиция к языковой подготовке так называемых «гастарбайтеров», которые зачастую не владеют русским языком. Властями не ставится задача создания единых правил проверки знания государственного языка, как это делается в большинстве цивилизованных стран Европы. В результате Россия получила не только огромный резерв трудовых кадров, но и массу проблем криминального характера, решать которые весьма сложно хотя бы в силу наличия в стране огромного числа людей без юридического права проживания, трудоустройства, регистрации и т. п. Большинство «гастарбайтеров» не идентифицирует себя с россиянами, а существует в границах национальных сообществ.

Что касается русского этноса, понятие «национальная идентичность» —

категория сегодня в большей степени гражданско-политическая, чем этнокультурная. Ибо если воспринимать ее в соотношении с культурными традициями, не совсем ясно, какие традиции надо иметь в виду: всех народов (а их около двухсот), проживающих на территории России? Или какого-то одного из них? Или же некий метафизический усредненный вариант? Русскими в глазах западноевропейца являются по существу все россияне.

Эти вопросы заставляют обратиться к термину «культурная идентичность», который также обладает неоднозначностью. Ведь культура есть способ жизнедеятельности, картина мира, совокупность ценностей и целеустановок, т. е. это тот мир смыслов, который специфическим образом организует всю жизнь той или иной общности, задавая ей определенные параметры. Своей специфической культурой обладают все общности и социальные группы — от сообществ и субкультур до таких крупных образований, как этнос, нация, цивилизация. Очевидно, когда речь идет о русской национально-культурной идентичности, имеются в виду некие отличительные признаки, выделяющие русских из ряда других народов (татар, башкир, калмыков и т. п.). В данном случае этническая культура каждого из народов воспринимается автоматически, без усилий, ибо она впиталась вместе «с молоком матери» и обеспечивает человеку с самого рождения возможность общения с самыми близкими ему людьми, создает символическое пространство, тождественность которому начинает наделяться особым национальным смыслом и значением. Количество этнических культур определяется фактически количеством этносов, хотя в действительности этих вариантов значительно больше: в границах, к примеру, русского этноса, специалисты выделяют такие крупные образования, как севернорусскую, среднерусскую, южнорусскую традиции, а также этнокультуру более мелких образований — поморов, казаков, чалдонов, некрасовцев, семейских Забайкалья и т. д.⁴

⁴ Но и это дробление не является окончательным. Так, ГРЦРФ почти два десятилетия осуществляет планомерное исследо-

Понятия «своего» и «чужого» формируются в значительной степени именно на этом уровне, где «свои» — это представители своей этногруппы, «чужие» — все иные. Эти представления, воспринимаемые почти на генетическом уровне, препятствуют установлению активного взаимодействия между разными народами, что требуют интересы общенациональные. Для формирования этой общенациональной сплоченности и единства, для последовательной реализации политики культурного многообразия и плюрализма необходимы значительные усилия, гораздо более явные, чем для реализации политики, основанной на групповых различиях.

Какие символы национальной культуры могут стать объединяющими? В-первых, это общая история. Несмотря на высказывания отдельных политических деятелей и ученых, рассматривающих идентичность, основанную на взгляде не в будущее, а в прошлое как «негативную идентичность»⁵, отметим, что такие великие свершения, как победа в Великой Отечественной войне, 65-летие которой мы празднуем в этом году, безусловно, спланивают народ как нацию. В этой войне принимали участие все народы СССР, и сегодня память о ней и память о тех, кто не вернулся — а это представители самых разных народов, — объединяет всех и единой болью утраты, и скорбью о павших, и единым чувством гордости за победу [Из первых уст 2010].

Во-вторых, нацию спланивают, объединяют достижения в области науки и новых технологий, литературы и искусства, спорта, участие в международных культурных проектах — фестивалях, играх, конкурсах, причем не только, в области высокой культуры, но и культивание различных регионов с точки зрения специфики их традиционной культуры, результатом чего стала серия исследований: «Традиционная культура Гороховецкого края» (Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2003), «Традиционная культура Муромского края» (Т. 1. М., 2006; Т. 2. М., 2008) и другие.

⁵ См., например, книгу Л. Гудкова «Негативная идентичность» (М., 2004), показывающего, что победа во Второй мировой войне не может быть тем фактором, который ведет народ вперед, спланивая и мобилизуя его.

туры массовой. Эти достижения, безусловно, формируют общий эмоциональный фон развития народов⁶. В советское время такими образами национального единства были А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой, Д. Д. Шостакович и А. И. Хачатурян, Р. Гамзатов и Ч. Айтматов, В. Мулявин и В. Высоцкий и многие другие. Конечно, «советский народ» — не «российская нация». Однако принципы выстраивания интернациональной культуры универсальны. Эти принципы просматриваются в политике США, где в американские фильмы включаются кадры с американским флагом и делаются отсылки на американскую Конституцию и демократию. Эти принципы просматриваются сейчас в России, где создаются фильмы о Великой Отечественной войне⁷, а на экран возвратились и заняли там устойчивые позиции всеми любимые советские фильмы.

В-третьих, для формирования в массовом сознании устойчивых общенациональных образов, связанных с национальными святынями и символами, необходима продуманная и выстроенная система институтов, прежде всего институтов государственного образования — школьного, среднего специального и вузовского, — где может эффективно формироваться устойчивый положительный образ собственной страны. Именно поэтому эта система должна быть централизованной.

Четвертый объединяющий фактор — этнокультура (фольклор, декоративно-прикладное искусство, обряды и праздники), которая имеет огромное значение для утверждения идентичности. В российской культурной политике заложены механизмы развития национальной и этнической культуры. В частности, в федеральных целевых программах «Культура России (2000—2005 гг.)»,

⁶ Неслучайно в народном сознании образ Л. И. Брежнева рассматривался как образ политика эпохи Аллы Пугачевой.

⁷ «Мы из будущего» (2008 г., режиссер — Андрей Малюков) и «Мы из будущего-2» (2010 г., над фильмом работали пять режиссеров: Олег Погодин, Андрес Пуустусмаа, Дмитрий Воронков, Александр Самохвалов и Борис Ростов).

«Культура России (2006—2011 гг.)» в качестве приоритетных сфер регулирования обозначены такие направления, как поддержка театров, концертных организаций, их информационное обеспечение; укрепление материально-технической базы учреждений культуры и образования, поддержка различных национальных проектов в области фольклора и т. д.

Однако эффективность вкладываемых через ФЦП «Культура России» средств в последние годы вызывает все большую озабоченность творческой общественности. Большая их часть расходуется на фестивали, другие массовые мероприятия, малозначимые в идентификационном и социальном плане. Председатель СТД России, народный артист РФ, известный театральный деятель А. Калягин в одном из своих интервью прямо говорил о том, что его «расцвет фестивалей не слишком радует», «напоминает пир во время чумы», «фестивальные радости часто кажутся парадным фасадом, за которым прячется далеко не парадная реальная тяжелая жизнь русского театра...» [Калягин 2010]. Один из авторов этой статьи также высказывал эту мысль [Каргин 1993].

Между тем, программа могла бы действительно стать мощным фактором формирования национально-культурной идентичности, обеспечить «сшивание» культурного пространства страны едиными узами.

Наконец, в-пятых, такой же значимой функцией обладает общенациональный язык коммуникации. В Америке и Великобритании таким языком является английский, в Испании — испанский, Германии и Франции — соответственно, немецкий и французский. И это несмотря на то, что все перечисленные государства, особенно после начала реализации «политики открытых дверей», являются полиэтничными, а каждый народ обладает своим языком или диалектом. В каждой стране государственным является один язык. В России, несмотря на то, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык, Конституция пре-

дусматривает право каждой республики устанавливать свой государственный язык. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик родной язык употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации, Конституция «гарантирует всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (Конституция РФ, гл. 3, ст. 68). Кроме того, несмотря на отсутствие федерального закона о культуре фактически осуществляется и право народов, принадлежащих к этническим общностям, выступать в качестве носителя своей собственной этнической культуры, при этом без соответствующего знания культуры и языка других народов, в частности государственного русского, что на наш взгляд, порождает немало проблемных ситуаций в межнациональных отношениях.

В заключение отметим, что в России в условиях исторически сложившейся полиэтничности наиболее сбалансированным подходом представляется тот, который предполагает осуществление протекционизма по отношению к обоим типам исторических разновидностей культуры — и к этнической, и к национальной. Поддержка этнической культуры связана с необходимостью сохранения исторической памяти и культурной специфики, поддержка национальной культуры необходима в силу того, что она фактически обеспечивает через систему учреждений культуры и образования единство тех смыслов и значений, тех представлений и идеологических нарративов, которые придают государству устойчивость. Более того, именно сфера образования и сфера культуры являются наиболее естественными каналами распространения социально значимой информации. Активное функционирование этих каналов и может способствовать выстраиванию и поддержанию национально-культурной идентичности, основанной на общности не только территориальной, политико-правовой и экономической, но и общности ценностной и мировоззренческой — иными словами, культурной.

Литература

Авдеевская, Баклушинский 1995 — Авдеевская Е. П., Баклушинский С. А. Особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений // Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. Труды по социологии образования. Т. 3. Вып. 4. М., 1995. С. 118—132.

Андерсон 1991 — Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 1991.

Арутюнов 1989 — Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

Геллнер 1983 — Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1983.

Губогло 2003 — Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.

Доржиева 2008 — Доржиева Е. В. Идентичность традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII — начале XX в. // Традиционная культура. № 1. 2008. С. 74—86.

Из первых уст 2010 — Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев. М., 2010.

Калягин 2010 — Калягин А. Бурный расцвет фестивалей меня не радует // Новые известия. 2010. 28 апреля. С. 1, 3.

Каргин 1993 — Каргин А. С. Музы на паперти // Советская Россия. 24.08.1993.

Каргин 2008 — Каргин А. С. Новые социальные механизмы функционирования народной культуры и их роль в интернационализации этнических процессов // Каргин А. С. Прагматика фольклористики. Сборник статей, докладов, эссе. М., 2008. С. 53—63.

Каргин, Хренов 1993 — Каргин А. С., Хренов Н. А. Фольклор и кризис общества. М., 1993.

Квилинкова 2008 — Квилинкова Е. Н. Идентичность гагаузов в прошлом и настоящем // Традиционная культура. 2008. № 1. С. 87—98.

Коннор 2000 — Коннор У. Нация — это нация, это государство, это этническая группа, это... // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. М., 2000.

Концепция 1996 — Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Российская газета. 1996. 10 июля.

Крысько 2003 — Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб., 2003.

Культура в глобальном мире 2005 — 46 Культура в глобальном мире. СПб., 2005.

Культурное наследие 1990 — Культурное наследие и традиционная культура народов Европы в становлении «Общеввропейского дома» // Материалы II Европейской конференции по народному творчеству. Новгород, 1990. С. 48—50.

Мнацанакян 2004 — Мнацанакян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М., 2004.

Никитин — Никитин М. А. Изучение этнополитических процессов в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области // URL: journal@iea.ras.ru

Поршнева 1973 — Поршнева Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973.

Сагитова — Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // URL: journal@iea.ras.ru

Тишков 1996 — Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М., 1996. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 100.)

Федорова 2005 — Федорова Т. С. Всемирный доклад по культуре — 2000 // Эволюция культурной деятельности в новом столетии: Социально-экономические аспекты культурной политики: в 3 т. Т. 2. Культура в глобальном мире. СПб., 2005.

Хантингтон 2004 — Хантингтон С. Кто мы? М., 2004.

Folk-Art-Net 2007 — Folk-Art-Net. Новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности. М., 2007.

Huntington 2000 — Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identities. N. Y., 2000.

Smith 1986 — Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, New York, 1986.

Summary. *The article is devoted questions of support of the ethnic culture connected with necessity of preservation of historical memory and cultural specificity. Support of national culture is necessary owing to that it actually provides by the system of culture establishments and formation unity of those senses and values those representations and ideological narratives which give to the state stability. The education sphere and culture sphere are the most natural channels of distribution of socially significant information.*

Key words: *ethnoculture, national-cultural identity, historical memory, international contacts.*